

В. А. ЕРМОЛАЕВ

ФРАНКОНСКИЙ ГОРОД В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1525 г.

В истории немецкого народа Великая крестьянская война 1525 г. является одним из важнейших событий, исход которых имел решающее значение для всего дальнейшего развития страны.

Естественно, что проблемы Крестьянской войны всегда вызывали интерес у советских медиевистов. В последние годы им были посвящены книга М. М. Смиринна «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война», статьи В. В. Стоклицкой-Терешкович («Ротенбургское восстание 1525 г.» и «Немецкий город в эпоху Крестьянской войны») и несколько диссертаций. Однако эти труды далеко не исчерпали проблематики Крестьянской войны и советским медиевистам предстоит еще большая работа в этой области.

В частности, относительно меньшее внимание было уделено роли, тактике и программам немецкого бюргерства в 1525 г. Между тем этот вопрос можно считать весьма существенным, поскольку Крестьянская война является критическим эпизодом буржуазной революции № 1¹, как называл Энгельс реформацию, кульминационным пунктом одной из трех крупных решительных битв, в которых великая «...борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения...»². Кому же, как не бюргерству — этой выходящей из скорлупы феодального общества буржуазии — было играть передовую роль в ранней буржуазной революции.

Как указывает В. И. Ленин, «...понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции»³. Важнейшее значение имеет участие в ней народных масс, прежде всего наиболее многочисленного и наиболее угнетаемого класса феодального общества — крестьянства.

Но несомненно также, что в XVI в., когда выросшие производительные силы стали приходить в противоречие со старыми, феодальными производственными отношениями, тормозившими их развитие, буржуазия являлась тем передовым классом, который был призван стать «...знаменосцем использования экономических законов в интересах общества...»⁴, потому что нарождавшиеся новые производственные отношения были в Германии XVI в. буржуазными производственными отношениями.

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 356.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 296.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 45, стр. 41.

⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 49.

Поэтому перед нарождавшейся немецкой буржуазией и немецким бюргерством стояла в тот период важная задача — возглавить буржуазную революцию и в союзе с крестьянством и другими оппозиционными тогдашнему строю силами общества разгромить крупных феодалов, ликвидировать основу феодализма — феодальную собственность на землю, ликвидировать сословные привилегии, устранить княжеское самовластие, объединить страну и тем самым расчистить путь для свободного развития новых, капиталистических производственных отношений.

Неспособность бюргерства выполнить эту задачу, обусловленная характером его исторического развития, и слабость нарождавшейся немецкой буржуазии имели роковые последствия для судеб немецкого народа и в конечном счете явились одной из причин торжества в Германии реакции и в последующие века.

Учитывая важность задачи изучения исторических корней немецкой реакции, особенно в связи с борьбой немецкого народа за единую, независимую, миролюбивую и демократическую Германию, мы полагаем, что выяснение роли и тактики различных слоев бюргерства в ранней буржуазной революции XVI в. относится к числу актуальных вопросов советской средневековедения. Разработка этого вопроса тем более необходима, что буржуазная историография изображает Крестьянскую войну в совершенно искаженном виде, как крестьянско-плебейский бунт, или не имевший существенного значения для последующего развития страны, или оказавший на него отрицательное влияние.

Из всех районов Крестьянской войны наилучший материал для освещения классовой борьбы в городах, особенно в связи с отношением различных групп населения к крестьянскому восстанию, политики и тактики бюргерства в Крестьянской войне, его программных требований и роли, которую оно сыграло в поражении крестьянского восстания, дает франконский район, где города выступали наиболее активно. Поэтому настоящая статья основывается на источниках, относящихся к Франконии и прилегающим к ней местностям. Это главным образом известные хроники Цвейфеля, Фриза, Кронталя, Эйзенгарта, Рейнгарда¹, документальный материал, приложенный к исследованиям Эксле, Бензена, Егера, Йёрга, Гервагена, Эйлентропа и др.², публикации Бауманна, Клюпфеля и др.³ и в особенности чрезвычайно ценный для характеристики социально-экономической обстановки в городах и, насколько нам известно, еще не использованный материал, опубликованный в «Книге документов города Гейльбронна» и «Книге документов аббатства св. Стефана в Вюрцбурге»⁴.

Прежде чем говорить об участии франконских городов в событиях 1525 г., необходимо выяснить экономическую специфику Франконии и ее

¹ F. L. B a u m a n n. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges aus Rothenburg o. d. Tauber, Stuttgart, 1878 (хроники Цвейфеля и Эйзенгарта) — в дальнейшем цит. как Baumann-Zweifel и Baumann-Eisenhart. L. F r i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, hrsg. Schäffler u. Henner, Würzburg, 1883. M. C r o n t h a l. Die Stadt Würzburg im Bauernkrieg, hrsg. Wieland, Würzburg, 1881. Geschichtschreiber von dem Bischofthum Wirtzburg, hrsg. Ludwig, Frankfurt, 1713 (цит. как Reinhard).

² F. F. O e c h s l e. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in den schwäbisch-fränkischen Grenzgebieten, Heilbronn, 1830. H. W. B e n z e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, Erlangen, 1840. J. E. J ö r g. Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522 bis 1526, Freiburg, 1851. H. H e r w a g e n. Die Lage der Bauern zur Zeit des Bauernkrieges in den Taubergegenden, Nürnberg, 1899.

³ F. L. B a u m a n n. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben, Freiburg, 1881.

⁴ Urkundenbuch der Stadt Heilbronn, hrsg. M. von Rauch, Stuttgart, Bd. II — 1913, Bd. III — 1916 (далее — UBH). Urkundenbuch der Benediktiner Abtei St. Stephan in Würzburg, hrsg. Schrötter, Würzburg, 1932.

основных центров, связь города с деревней, положение основных социальных групп городского населения, организацию производственной базы средневекового города — цехового ремесла, с тем, чтобы на основе изучения социально-экономических условий в стране подойти к рассмотрению двух явлений, имевших в то время первостепенное значение — распространения на города феодальной реакции и разложения цехового строя и борьбы его с вновь возникающими капиталистическими формами организации производства. Эти две центральные проблемы и определяют сложность социальной обстановки в немецких городах XVI в. Исследование их поможет выяснить и предпосылки участия городов в Крестьянской войне.

* * *

По своему положению Франкония являлась связующим звеном между центральными и южными областями Германии. Река Майн и более 20 сухопутных торговых путей соединяли в XVI в. ее города с крупнейшими экономическими центрами страны. Этими путями шла транзитом продукция промышленных городов Южной Германии и экспортные товары из Италии и Леванта. Но особенно важную роль в хозяйстве Франконии играл вывоз местной сельскохозяйственной продукции — хлеба, вина, шерсти и т. п., так как Франкония отличалась плодородием и славилась своим вином¹.

Что касается ремесленного производства, то в этом отношении Франкония отступала на задний план по сравнению с другими областями страны. Если не считать расположенного на ее периферии Нюрнберга, одного из крупных ремесленных центров всей Германии, франконские города относились, даже по понятиям того времени, к числу средних и мелких городов с населением, не превышавшим 7 тыс. чел. в наиболее крупных из них. Ремесло этих городов обслуживало в основном местный рынок и не было ориентировано на экспорт (подобно ремеслу городов типа Нюрнберга, Аугсбурга и др.). Из числа таких городов выделяются лишь центр обширного вюрцбургского епископства город Вюрцбург и имперские города Гейльбронн и Ротенбург.

В начале XVI в. ремесло франконских городов сильно страдало от конкуренции более крупных городов Германии (в частности Нюрнберга), продукция которых все более и более завоевывала местные рынки. Упадок ремесла особенно заметен был в Вюрцбурге и Ротенбурге.

Вюрцбург когда-то насчитывал более 12 тыс. жителей, но к первой четверти XVI в. его население уменьшилось почти наполовину и от дальнейшего упадка город спасло, повидимому, только его значение административного центра крупного княжества.

Еще хуже было положение имперского города Ротенбурга, который в результате конкуренции других городов и хищнической экономической политики патрициата, стоявшего во главе местного управления, пришел в полное запустение; а его население, главным образом ремесленное, стало убегать из разоренного города.

В более выгодном положении находился город Гейльбронн, расположенный значительно западнее и потому не имевший в непосредственной близости столь мощных конкурентов, какие были у городов Центральной и Восточной Франконии. Он обладал развитой текстильной промышлен-

¹ Географ XVII в. Цейлер говорит о Франконии: «Почва здесь весьма плодородна и приносит более чем достаточно ячменя, пшеницы и всякого рода плодов» (Martin Zeiller. Topographia Franconiae, Frankfurt, 1655, S. 4).

ностью и одновременно сравнительно интенсивным сельским хозяйством, в особенности виноградарством и скотоводством. Это был процветающий город среднего масштаба, в котором насчитывалось более 60 различных ремесленных профессий.

Характерной чертой средневекового города является его тесная связь с сельским хозяйством. В большей или меньшей мере это относится ко всем немецким городам, не исключая и самых крупных. Но если в больших имперских городах эта связь с развитием торговли и промышленности, работающей на экспорт, несколько ослабевала, то не обладавшие развитой промышленностью средние и мелкие города Германии, большая часть которых возникла из деревень, никогда не теряли своего аграрного характера.

Так, в Ротенбурге большая часть населения была связана с сельским хозяйством: не только патриции и богатые бюргеры владели именными в обширном ротенбургском округе, но и средние и мелкие бюргеры имели там крестьянские наделы и дворы¹. Связь с землей ремесленников была чрезвычайно сильна, ибо в большинстве их жалоб, приводимых Цвейфелем, имеются указания на уплату ими феодальных повинностей: по-смертного побора (Hauptrecht), пошлины за передачу прав собственности (Handlohn), оброка курами (Zinshüner); в жалобах имеются также указания на крепостную зависимость. Из 38 жалоб в 30 упоминается о феодальных повинностях и о крепостной зависимости.

Когда в первые дни восстания были запорты ворота города и был прекращен всякий въезд и выезд, это мероприятие до такой степени стеснило нормальную жизнь города, что комитет общины вынужден был предложить открыть ворота, чтобы «каждый беспрепятственно допускался к своей работе и профессии» и «каждый человек мог свободно выходить из города и входить в него со своим скотом и прочим»².

В Ротенбурге существовала целая категория бюргеров, занятых исключительно в сельском хозяйстве — городские крестьяне и виноградары³.

Помимо зернового хозяйства большое значение имели виноградарство и скотоводство. Цех виноделов был одним из самых больших в городе; торговля вином была видной статьёй дохода патрицианских семей и городского совета. Заинтересованность ремесленников в свободном пользовании лугами и отмене «копытной пошлины» (Klauengeld)⁴ доказывает распространение в Ротенбурге скотоводства⁵.

Подобное же положение мы наблюдаем и в других городах Франконии. Так, в Вюрцбурге многие жители работали в поле вблизи от города и в требованиях, составленных кварталом Дитрих 17 апреля 1525 г., указы-

¹ Об этом говорит жалоба сапожников, требующих освобождения горожан от уплаты таможенных пошлин на товары, вывозимые в пределы ротенбургского округа из их участков, купленных или унаследованных (Baumann-Zweifel, S. 124—125).

² Baumann-Zweifel, S. 85.

³ В постановлении комитета общины говорится о «бюргерах из крестьянства», несправедливо отягощенных феодальными повинностями. В той же фразе упоминаются и другие землевладельцы-некрестьяне, «которые сидят здесь в городе и имеют крестьянские и иные дворы» (Baumann-Zweifel, S. 181). Некоторые ремесленники были связаны с деревней своей профессией; так, например, во время народного голосования в мае 1525 г. столяр Кунц заявил, что он будет голосовать за крестьян, так как он от них кормится.

⁴ Baumann-Zweifel, S. 124, 132—134.

⁵ P. Eilentrop. *Verfassung, Recht und Wirtschaft in Rothenburg zur Zeit des Bauernkrieges*, Marburg, 1909, S. 87—88.

вається на необходимость постоянного наблюдения с городской башни за местностью, чтобы в случае приближения вражеских отрядов был своевременно дан сигнал и работающие в поле могли укрыться за городскими стенами¹. О развитии виноградарства и виноделия говорит тот факт, что еще в XIV в. из 37 цехов Вюрцбурга десять составляли виноделы различных кварталов и пригородов города². Виноделие было особенно развито в монастырях, которым в XVI в. принадлежало большинство вюрцбургских виноградников³. Жители Вюрцбурга торговали также и зерном⁴.

В хозяйстве Гейльбронна главную роль играло виноградарство и виноделие. В 1544 г. совет города, жалуясь на то, что с города требуют слишком много рекрутов, указывал, что большая часть населения живет виноградниками⁵. Многочисленные постановления совета свидетельствуют о том, что жители города имели сады и виноградники как в городской округе, так и вне ее⁶. Зажиточные бюргеры и патриции владели имениями в гейльброннских деревнях⁷. Земли монастырей и богатых жителей обрабатывались трудом поденщиков из числа бедного населения города⁸. Жизнь Гейльбронна была настолько тесно связана с сельским хозяйством, что его называли в XV—XVI вв. «крестьянским городом» («Bauernstadt»)⁹.

Между населением города и деревни существовали не только деловые, экономические, но и личные, родственные связи, тем более что приток населения из деревень в город никогда не прекращался. Один характерный эпизод из истории восстания 1525 г. показывает эту связь особенно ярко. Когда крестьянские отряды находились перед Гейльбронном и городской совет хотел заставить бюргеров выступить против крестьян, большинство бюргеров отказалось следовать приказу совета, крича, что они не хотят ничего предпринимать против крестьян, так как многие имеют среди них отцов, братьев и других родственников¹⁰.

Если так обстояло дело в наиболее крупных городах Франконии, то в других сельское хозяйство имело еще большее, иногда просто доминирующее значение. Так, например, община небольшого города вюрцбургского

¹ L. F r i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 104—105.

² H. H o f f m a n n. Würzburgs Handel und Gewerbe im Mittelalter, Kallmünz üb. Regensburg, 1938, S. 140.

³ Значение виноградарства в экономике Вюрцбурга явствует из угрозы Трухсеса сжечь все виноградники города, если его условия капитуляции не будут приняты, после чего последовало принятие этих условий. Приблизительно за месяц до этого подобного же результата достигла аналогичная угроза крестьянского войска (M. C r o n t h a l. Die Stadt Würzburg im Bauernkrieg, S. 50, 86).

Другим ярким фактом является требование жителей одного из пригородов Вюрцбурга — Гауга запретить ввоз вина, «так как они должны кормиться виноградниками» («dan sie sich von der Weingarten neren müssen»). L. F r i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 80).

⁴ Незадолго до прихода крестьянского войска в Вюрцбурге было учтено 10 713 мальтеров, т. е. 1600 тоны зерна и муки (M. C r o n t h a l. Die Stadt Würzburg im Bauernkrieg, S. 40, 24).

⁵ Heilbronner Chronik, hrsg. F. Dürr, Heilbronn, 1895, S. 87, 101.

⁶ UBH, Bd. II, S. 60, также Bd. III, S. 58—60, 64—65. Как и в Вюрцбурге угроза крестьян вырубить виноградники оказалась весьма эффективной: совет пошел на уступки и выдал крестьянам требуемый провиант (H. W. B e n s e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 156. K. J ä g e r. Der Bauernkrieg von 1525 um Heilbronn und der nächsten Umgebung, «Sophronikon», Bd. IX, Hft. 4, Heidelberg, 1827, S. 19).

⁷ Например, в 1514 г. 23 гейльброннских бюргера, большей частью патриции и члены совета, владели имениями в деревне Бёквинген (UBH, Bd. III, S. 405).

⁸ UBH, Bd. II, S. 62; Bd. III, S. 163.

⁹ K. J ä g e r. Geschichte von Heilbronn, Bd. I, S. 248. P. S c h ö c k. Das Stadtbild von Heilbronn, Stuttgart, 1927, S. 49.

¹⁰ K. J ä g e r. Der Bauernkrieg..., S. 15.

епископства Эльтмена жалуется, что стада господских овец пожирают луга, вследствие чего городской скот остается без травы, а «бедная община не имеет ничего, кроме скота, чем она могла бы содержать себя»¹.

В начале XVI в. в средних и мелких городах Франконии наблюдается повышение значения сельского хозяйства. Данное явление связано было с тем обстоятельством, что в этих городах не было того экономического подъема, какой имел место в крупных городах. Более того, расцвет ремесла в последних создавал для ремесла небольших городов непреодолимую конкуренцию и приводил в конце концов к упадку этого ремесла. Его продукция не находила сбыта даже на том ограниченном рынке, который она прежде имела. Ремесло в этих городах перестало быть надежным источником существования, и ремесленники принуждены были для получения дополнительных средств существования обращаться к сельскому хозяйству. Сельское хозяйство было более независимым от рыночных условий, так как потребность в сельскохозяйственных продуктах непрерывно увеличивалась, прежде всего за счет роста населения городов, и сбыт их всегда был гарантирован и на местном рынке и скупщикам-экспортерам.

Но возвращение к сельскому хозяйству имело свои тяжелые социальные последствия в обществе, основой которого была феодальная собственность на землю. Тесная связь с сельским хозяйством вела к тому, что положение города в социальном и юридическом отношении сближалось с положением деревни.

Как уже было указано выше, в средневековых немецких городах значительная часть населения еще находилась в феодальной зависимости. Если в имперских городах зависима была лишь меньшая, главным образом неполноправная часть населения, то в княжеских городах зависимость эта распространяется почти на все население. Естественно, что чем большую роль играло сельское хозяйство в жизни города, тем большее значение имела и феодальная собственность на землю и тем большее распространение получали отношения феодальной зависимости. Наличие зависимых людей в городах бросается в глаза при первом же ознакомлении с источниками.

Все население франконских городов в XVI в. можно разделить на три категории: 1) лиц, не находящихся в феодальной зависимости и не несущих никаких феодальных повинностей; 2) лиц, лично свободных, но находящихся в феодальной зависимости (Höfinge) от города или других сеньеров и несущих соответствующие повинности; 3) лиц, находящихся в крепостной зависимости (Leibeigene). Отличие последней категории от второй заключалось главным образом в уплате символических оброков курами и несении барщины в пользу сеньера.

В Ротенбурге большинство ремесленников несло бремя феодальной зависимости. Только ремесленники 8 профессий из 38 не требовали в своих жалобах отмены феодальной эксплуатации. Остальные так или иначе страдали от нее.

Господами крепостных являлись сам город и совет от его имени, а также патриции и богатые бюргеры, духовенство и монастыри.

В Гейльбронне подноправные бюргеры были лично свободными людьми, но многие из них находились в состоянии феодальной зависимости. Сам город был во многих случаях сеньером своих жителей, но последние могли

¹ L. F r i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. II, S. 56: «und ain arme gemeind nichizen hat, dawor sie sich enthalten kan, dan das viech».

иметь держания и от других сеньеров, чаще всего от монастырей. Город получал со своих держателей денежные и натуральные оброки, Hand-lohn и т. п.

Широкое распространение феодальной зависимости в Вюрцбурге можно установить по данным хрониста XVI в. Иоганна Рейнгарда, согласно которым в городе было 1686 человек крепостных епископа и 286 — духовенства и монастырей. Кроме того, городской собор и церковный округ (Probstei) имели 1455 крепостных, место жительства которых не указано¹. Таким образом, в Вюрцбурге было не менее 2000 чел. зависимого состояния. Вполне понятно, что в 1525 г. городская община требует отмены крепостной зависимости: «никто не должен быть никому подчинен, кроме как, прежде всего, богу, а затем своему государю в отношении ежегодной подати и установленных налогов»².

Еще большее распространение имела феодальная зависимость в небольших княжеских городах, типичным примером чему служит главный город графства Гогенлоэ Эринген. Свободного бюргерства в Эрингене почти не было³. До 1494 г. все жители города со своими семьями были крепостными графов и только по особой «милости» последних могли выкупиться, уплатив стоимость $\frac{1}{4}$ своего имущества. Брак не освобождал от крепостной зависимости, так как выезд из города был невозможен; всякий же иногородний, пожелавший стать бюргером Эрингена, становился тем самым и крепостным графов Гогенлоэ. Такое положение не могло способствовать ни привлечению новых горожан, ни экономическому развитию и процветанию города. Эринген уже пришел было в полный упадок, когда некоторые льготы графа Крафта VIII несколько оживили город, способствуя развитию его экономики. В частности, в 1494 г. было разрешено принимать новых бюргеров, не закрепощая их; был также разрешен свободный въезд и выезд. Но, вероятно, все эти нововведения были затем отменены, потому что в 1525 г. община Эрингена снова требует разрешения каждому бюргеру свободно выезжать из города, уплатив только выездную пошлину в размере 10% стоимости своего имущества, и тем освободиться, вместе с семьей, от обязанностей бюргера и крепостной зависимости⁴. Правда, в XVI в. выход замуж уже освобождает от крепостной зависимости, но при обязательном выкупе весьма значительного размера⁵.

¹ Gropp. Wirtzburgische Chronick, Wirtzburg, 1748—1750, S. 174—175.

² M. Cronthaler. Die Stadt Würzburg im Bauernkrieg, S. 33: «niemand denn Gott zuförderst und nachfolgend dem landesfürsten mit jährlichem tribut und aufgesetz'er steuer verwand sein soll».

Указание на наличие зависимого состояния горожан Вюрцбурга можно усмотреть также в жалобе одного из кварталов города — Бастгейма, в которой указывается, что их квартал самый маленький по бюргерскому населению, а большая часть живущих в нем — духовные и свободные лица (L. Friess. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 77). Бюргеры Бастгейма, следовательно, не причисляют себя к числу свободных лиц.

³ Так же как и в Опольдбахе — столице княжества Ансбах (см. Н. W. Vesen. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 386).

⁴ F. F. Oechsle. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges..., S. 62—64, 257.

⁵ Так, в 1518 г. Барбара Бренгер, дочь эрингенского бюргера и крепостная графа Гогенлоэ, вышла замуж за сына гейльброннского бюргера. Ее муж должен был стоговаться с финансовым чиновником графов — келлером Эрингена относительно суммы, которую он должен уплатить графу за свою жену. Келлер просил 40 гульденов, ссылаясь на то, что такая сумма была уплачена за сестру Барбары, ранее вышедшую замуж также за гейльброннского бюргера, супруг же полагал что достаточно и 30 гульденов (UBH, Bd. III, S. 466—467).

В крепостной зависимости находились, вероятно, все бюргеры главного города земель Немецкого ордена Мергентгейма¹. Отмена крепостного права здесь произошла только в 1537 г. за большой выкуп².

Крепостная зависимость существовала также во всех мелких княжеских городах, о чем свидетельствуют требования отмены феодальных поборов и повинностей, предъявленные общинами городов Бибурта, Деттельбаха, Эльтмена, Мейнингена и др.³

Феодальные повинности в городах не отличались от феодальных повинностей крестьян. Мы находим здесь и натуральные денежные оброки, и большую и малую десятину⁴, и посмертный побор, и пошлину, взимаемую при перемене владельца имущества⁵, и разнообразные виды барщины⁶. К феодальным тяготам относится и запрет свободного пользования лесами, водами и лугами⁷.

Откуда же возникла в городах феодальная зависимость, в городах, самый воздух которых, по немецкой средневековой пословице, «делал свободным» крепостного, бежавшего туда от феодальной эксплуатации?

В. В. Стоклицкая-Терешкович в своей статье о ротенбургском восстании 1525 г. полагает, «что сеньериальная зависимость могла сложиться, с одной стороны, в результате переселения в Ротенбург зависимых крестьян ротенбургского патрициата, а с другой — в результате аренды земли в пределах города свободными ремесленниками, не обладавшими землей, у крупных городских землевладельцев, т. е. у представителей того же ротенбургского патрициата»⁸.

С этим объяснением нельзя не согласиться. Действительно, оба эти пути (особенно второй) закрепощения горожан вполне вероятны. Но это объ-

¹ *Oberrheinische Stadtrechte*, Bd. I (in: H. Heerwagen. Die Lage der Bauern..., S. 60): «das alle bürger kinder, so in Mergentheim geboren, unangesehen ob auch dieselben frei und nit leibaigen weren, unsers ordens und haus Mergenthaims leibaigen wurden, daraus solllich leibaigenschaft ires erachtens geflossen».

² Выезд из Мергентгейма был возможен только с разрешения комтура и общины и при условии уплаты за 5 лет вперед имущественного налога (H. Heerwagen. Die Lage der Bauern..., S. 61, 62, 64). Крепостная зависимость в других мелких городах была отменена еще позже: в Лауда — в 1546, г., в Мергельсгейме — в 1558 г. (*Ibid.*, S. 118).

³ L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. II, S. 19, 47, 56—58, 202.

⁴ Десятина шла не только в пользу церкви, но и в пользу города и различных князей, живущих иногда весьма далеко: например, десятину с вина Гейльбронна получали герцоги Баварские, а затем герцог Ульрих Вюртембергский (UBH, Bd. II, S. 344).

Формально десятин составляла $\frac{1}{10}$ валового сбора, а фактически достигала иногда $\frac{1}{3}$ чистого сбора. Горожане Эберна жадуются, что десятинна доходит даже до $\frac{4}{5}$ чистого сбора (L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. II, S. 73).

⁵ Handlohn и Hauptrecht составляли обычно по 5% от стоимости имущества, но, например, в Эльтмене Handlohn составлял 1 гульден с 10—15 гульденов имущества (*Ibid.*, Bd. II, S. 56).

⁶ Барщины были особенно распространены в мелких городах. Например, жители города Бибурта должны были рубить и отвозить в замок дрова, косить луг и отвозить сено, работать «mit Hand und Pferd» по укреплению стен города, починке крыши и заборов, ловить рыбу для господ (*ibid.*, Bd. II, S. 19). Жители города Эльтмена пишут епископу: «Также мы весьма отягощены барщиной Вальдбургу, потому что эта барщина чем дальше, тем становится больше...», а вместе с работами в пользу города занимает так много времени, что «иной должен работать (fronen) подряд целую неделю, а свои участки и свою работу оставлять заброшенными» (*ibid.*, Bd. II, S. 57).

⁷ Очень характерна в этом отношении жалоба города Эльтмена: «Мы также чрезвычайно страдаем от того, что дичь топчет и пожирает наши семена и причиняет большой ущерб также и виноградникам, а мы не имеем права прогонять ее ни собаками, ни выстрелами; нам также строжайшим образом запрещено носить ружья и луки, и за этот ущерб нам ничего не скидывают в оброках» (*ibid.*, Bd. II, S. 56—57).

⁸ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ротенбургское восстание 1525 г. «Исторические записки», т. 2, 1938, стр. 313.

яснение не исчерпывает всех возможностей распространения феодальной зависимости и, в частности, не учитывает обострившейся в конце XV—начале XVI в. феодальной реакции — процесса общепризнанного для немецкой деревни, но мало изученного в отношении немецких городов. Подробное изучение этого вопроса требует привлечения более широкого материала, и здесь делается лишь попытка обратить внимание на изменения в жизни немецкого города.

Как можно думать, основным путем распространения зависимости в городах в начале XVI в. было, так же как и в деревне, закабаление свободного землевладельца или ухудшение условий держания зависимого землепользователя. Типичным примером закрепощения свободного землевладельца, попавшего в тяжелое материальное положение, является договор, заключенный в 1495 г. бюргером города Деттельбаха Эндресом Карге с аббатством св. Стефана в Вюрцбурге. Этот документ заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Эндрес Карге, бюргер в Деттельбахе, и его законная жена Катерина продают, вследствие тягостных долгов... аббату Георгу, приору и конвенту монастыря св. Стефана 24 пфеннига ежегодного и вечного чинша с наших 3 моргенов виноградника..., лежащих в границах общины Теттельбах..., которые до сих пор были собственными и свободными от чинша, за 6 фунтов 20 пфеннигов вюрцбургской валюты, которые покупатель уже заплатил. Продавцы обещают добросовестно следовать приведенным условиям и платить чинш каждое рождество. Упомянутые 3 моргена виноградника должны считаться названными господами и монастырем в числе оброчных ленов, как и другие принадлежащие им оброчные имения, и сколь часто они будут продаваемы или будут меняться их держатели... им будет даваться обычная пошлина (Handlohn). В случае, если чинш будет платиться неаккуратно или обработка виноградника будет запущена, монастырь имеет право продать виноградник и возместить себе из этой суммы за все невыплаченные чинши и вышеупомянутую основную сумму вместе со всем понесенным ущербом, который последует из этого»¹.

Скупкой земли на основе кабальных договоров занимались также богатые горожане. Так, некий Никлас Кронваль покупает в 1489 г. за 4 гульдена у бюргера города Гейдингсфельда Рейтпарт «вечный чинш» в 2 курицы или 3 шиллинга с 5 четвертей виноградника. Рейтпарт отказывается от всех прав на этот виноградник и получает его обратно в качестве зависимого держания (лена)².

Таким путем свободная земельная собственность превращалась в зависимую, а свободный землевладелец — в зависимого держателя. Особенно обогащались от этого монастыри, и неудивительно, что большая часть городских земель находится, как видно из письма совета города Гейльбронна от 1544 г., в руках попов, монахинь и иногородних³.

¹ Urkundenbuch der Abtei St. Stephan, S. 759.

² Ibid., S. 725.

³ Следует отметить, что во Франконии духовенство играло весьма значительную роль и в экономике и в политике. Территория духовных княжеств составляла около 40% всей территории области, влияние епископов Вюрцбургского и Бамбергского было определяющим среди местных феодалов, духовенству и особенно многочисленным монастырям принадлежали огромные земельные владения. Жестокая эксплуатация подвластного населения, ростовщические операции, закабаление мелких землевладельцев, конкуренция ремесленникам и торговцам, чему способствовало освобождение духовенства от всякого рода налогов, пошлин и повинностей, разнузданное поведение — все это создало вокруг духовенства такую атмосферу ненависти, разделявшейся всеми слоями населения, что обычно первым актом восставшего населения в 1525 г. был разгром монастырей и домов духовенства.

Признаки феодальной реакции в городе не ограничиваются только вышесказанным. Стремление феодалов увеличить свои доходы за счет усиления эксплуатации населения принимает самые разнообразные формы и затрагивает город в неменьшей степени, чем деревню. Введение новых налогов в Гейльбронне, Ротенбурге, Эберне¹, произвольной барщины в Эльтмене, Бибурте, закрепощение горожан в Мергентгейме — это все явления феодальной реакции, возникшие не ранее XV в. В мелких княжеских городах, где положение горожан почти не отличалось от положения крестьян, реакция была особенно сильна. Это обстоятельство имеет весьма существенное значение для объяснения тактики городов во время Крестьянской войны.

В средних городах с более или менее развитым ремеслом социально-политическая обстановка усложнялась еще и вследствие происходивших в ремесле процессов разложения старого цехового строя, возникновения новых форм организации производства и ожесточенной борьбы их со старыми формами.

Для ремесла франконских городов (не исключая и Нюрнберга) характерно отсутствие полноправных цехов. Они были уничтожены в результате поражения ремесленников в их борьбе с патрициатом или княжеской властью еще в XIV—XV вв.² В XVI в. ремесленники объединялись или в чисто экономические организации, именовавшиеся «ремеслами» (*Handwerke*), или в «братства», соединявшие экономические функции с функциями взаимопомощи и религиозно-обрядовыми, но в обоих случаях лишённые политических прав и находящиеся под контролем городских властей. Во многих городах ремесленники не имели ни права суда, ни свободы собраний, ни свободы переписки с цехами других городов; они также не имели своих печатей и получали свои уставы от городских властей, назначавших для наблюдения над ними особого чиновника³.

Однако потребность в организации все время возрастает и в начале XVI в. становится особенно сильной в связи со следующими обстоятельствами. В это время особенно усиливается, ввиду роста феодальной реакции в деревне, приток деревенского населения в города. Борьба против конкуренции пришлого населения была и прежде фактом, стимулировавшим организацию ремесла. В XV—XVI вв. конкуренция эта приобрела значение одной из самых острых проблем в жизни города. Жалобами на конкуренцию полны обращения гейльброннских и ротенбургских ремесленников к советам своих городов. В организации ремесленная масса видела также средство устранить конкуренцию и затормозить развивавшуюся социальную дифференциацию внутри ремесла. Для городских властей организация ремесла давала возможность осуществлять надзор за ремесленниками, подавлять оппозиционные настроения в их среде и представляла несомненные удобства в административном и военном отношении. Поэтому еще во второй половине XV в. во франконских городах возникают объединения ремесленников в форме религиозных братств (*Bruderschaften*), обществ (*Gesellschaften*) и т. п. Постепенно их первоначальная цель —

¹ Епископ Вюрцбургский наложил на город Эбери чрезвычайный налог в 300 гульденов. «Из-за столь тягостного, невыносимого добавления, — пишут в своей жалобе жители города, — очень многие дома разорились и пришли в упадок, а также и весь город терпит из-за этого, чем дальше, тем больше, ущерб в доходах и в мужском населении» (*L. F r i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges...*, Bd. II, S. 73), т. е. и здесь непомерный налоговый гнет вызывает разорение бюргеров и бегство их из города.

² В Гейльбронне — в 1371 г., в Ротенбурге — в 1455 г., в Вюрцбурге — в 1479 г.

³ E. M u m m e n h o f f. *Der Handwerker in der deutschen Vergangenheit*, Leipzig, 1901, S. 42—44.

организованное участие ремесленников в богослужениях, религиозных процессиях и празднествах, взаимопомощь и пр.— отступают на задний план и они принимают на себя функции цехов, занимаясь установлением правил приема в мастера, устранением конкуренции иногородних торговцев и ремесленников и различными производственными и хозяйственными вопросами. Уставы братств XVI в. отличаются преобладанием в них статей производственного характера, что делает их похожими на цеховые статуты. Например, устав братства гейльброннских пекарей 1509 г. определяет штрафы за выпечку хлеба в праздники, взносы с новых мастеров и новых учеников, условия разведения и убоия скота и т. п.¹

Таким образом, если не в форме полноправных цехов, то в форме братств, обществ, ремесел и т. п. цеховая организация завоевала себе место в городской жизни. Однако, возникнув не в результате победоносной борьбы ремесла с патрициатом, а в результате компромисса, ремесленные организации такого рода явились послушным орудием в руках патрициата и не играли почти никакой политической роли².

Подчиненное положение ремесла в Гейльбронне прекрасно иллюстрируется постановлениями совета города, который вмешивается во все стороны жизни ремесленников: нормирует оплату труда, количество учеников и подмастерьев, количество и качество выпускаемой продукции, цену ее, определяет условия приема в мастера. Утверждая уставы, статьи и привилегии, совет почти всегда делает оговорку, что он вправе отменить их по своему усмотрению («aber doch nit lenger, dan dem rat gefellig ist»)³.

Источники показывают, что и в таких небольших ремесленных городах, какими были города Франконии, в XVI в. уже происходит ломка устоев феодальной экономики, прежде всего цехового строя.

Попробуем определить, как далеко зашла в это время имущественная дифференциация внутри ремесла во всех ее видах, как между отдельными ремеслами, так и между мастерами внутри каждого ремесла, и как она влияла на разложение цехового порядка.

Наиболее яркий материал дают по этому вопросу источники городов Гейльбронна и Ротенбурга. В Гейльбронне богатые кожевники закупают у бедных кожевников еще неотделанную кожу и продают ее после отделки по дорогой цене. Они закупают всю привозную кожу и тем ставят в зависимость от себя также и сапожников, заставляя их покупать кожу на невыгодных условиях⁴. Таким образом, богатые кожевники экономически подчиняют и сапожников и бедных кожевников, т. е. здесь налицо и зависимость одного, более бедного ремесла от другого, более богатого, вернее от его богатых представителей, и дифференциация внутри ремесла. Но и среди сапожников существует неравенство. В уставе 1505 г. говорится о штрафах за плохое качество работы, которые должны платить как бедные, так и богатые мастера⁵. В ткацком ремесле также происходит резкое расслоение мастеров. Среди ткачей-полотнянщиков, перешедших

¹ UBH, Bd. III, S. 246—250.

² В Вюрцбурге, после того как в 1479 г. были запрещены цехи и епископ обязался перед капитулом никогда не восстанавливать их (H o f f m a n n, S. 135), профессиональная организация ремесленников была так слаба, что и в 1525 г. они принимали участие в общественной жизни города совместно со всем населением, каждый в своем квартале, на которые город был разделен в фискальных целях. Надзор за ремеслом осуществлял епископский совет.

В Ротенбурге только ремесленники наиболее многочисленных профессий были объединены в ремесла, а остальные не имели даже и такой организации.

³ UBH, Bd. III, S. 581.

⁴ Ibid., S. 154.

⁵ Ibid., III, S. 105.

на производство сукна, только трое занимали самостоятельное положение, а остальные, вероятно в виду непосильности для них иметь особый инвентарь и особое помещение, работали у них подмастерьями¹.

В ткацком ремесле наблюдается большое различие между ткачами-полотнящиками и более состоятельными ткачами-суконщиками. Поскольку в Гейльбронне не было мастеров, выполнявших работы, предшествующие ткачеству, можно сделать вывод, что гейльброннские ткачи сосредоточивали у себя все стадии изготовления сукна. А это предполагает наличие подсобных работников, занятых подготовительными операциями для ткачества.

В Ротенбурге выпуск готового сукна сосредоточивался в руках красильщиков, называющих себя также сукноделами (*tuchmacher*)², а ткачи играли подчиненную роль (и даже не имели самостоятельной организации, очевидно входя в состав организации красильщиков). Красильщики закупали на рынке местную и импортную шерсть и некрашеное сукно и отдавали их для дальнейшей обработки ткачам и прядильщикам на дому. Они были состоятельными ремесленниками, на что указывает и тот факт, что, в противоположность подавляющему большинству ремесленников Ротенбурга, они не очень тяготились налоговым бременем, а о многих налогах и вовсе не упоминали в своих жалобах³.

При этих условиях расслоение ремесла и выделение богатых ремесленников-предпринимателей, стремившихся к установлению своего контроля над производством и сбытом, но уже не в интересах всего цеха, а в своих личных интересах, еще более обостряло обстановку, так как вся деятельность этого слоя развивалась за счет интересов разорявшейся ремесленной массы.

Наличие свободных средств позволяло богатым ремесленникам закупать сырье на более выгодных условиях и производить больше, чем могли производить остальные. Богатые мастера выступали в качестве предпринимателей, закупая продукцию у других ремесленников, постепенно превращая их в своих работников и отесняя их от рынка, расширяя свое производство за счет отдачи работы на сторону.

Цеховая регламентация была стеснительна для этих мастеров, стремившихся выйти за рамки цеховой организации. В результате нарушение регламентации становится постоянным явлением. Во франконских городах оно было облегчено отсутствием сильных цехов и такого законодательства, которое могло бы защищать интересы ремесленников. Когда же по требованию ремесленников, были введены различные уставы и статьи, ставившие преграды свободному росту предпринимательства в ремесле, они уже не могли задержать и тем более обратить вспять далеко зашедший процесс разложения цехового строя.

Богатые мастера, как мы видели на примере кожевников, закупали сырье, не считаясь с потребностями своих собратьев по цеху; пекари закупали зерно на улице, не допуская его до рынка⁴.

То же происходило и с рабочей силой — богатые ремесленники не могли удовлетвориться 2—3 подмастерьями, а нанимали большее число, прельщая их большей платой, вследствие чего другие мастера оставались вообще без работников. Это особенно заметно в отраслях массового производства и на сезонных работах.

¹ UBH, Bd. III, S. 165.

² Baumann-Zweifel, S. 128.

³ Ibid., S. 128—129.

⁴ UBH, Bd. III, S. 234.

Результатом разложения цехового строя и стремления к наживе, которым были одержимы богатые ремесленники, явилось разрушение традиций старого ремесла в отношении качества продукции. От патриархальной ремесленной честности, от профессиональной гордости ремесленника за качество своего товара не осталось и следа. Кожевники сбывали свой товар недоделанным и сырым, искусственно придавали ему толщину, соединяли несколько кож вместе, вкладывая в середину бракованные кожи; сапожники продавали плохую обувь, золотых дел мастера золотили неполноценную монету и т. п.¹

Мы видим, как разложение цеховой системы и быстрое развитие товарно-денежных отношений, подготавливали некоторые условия для возникновения капиталистических отношений.

Зарождение капиталистических отношений в недрах феодальной общественной формации происходило наряду с разложением цеховых организаций в городе и феодальных отношений в деревне. При этом разлагающееся цеховое ремесло базой развития капиталистических отношений не становилось. Развитие новых отношений шло в другом направлении. Появление примитивных мануфактур рассеянного типа, чьи владельцы подчиняли себе и экспроприировали ранее самостоятельных мелких производителей города и особенно прилегающую деревенскую округу, — было наиболее характерной особенностью новых отношений. Владельцами таких предприятий становились разбогатевшие самостоятельные ремесленники, реже — цеховые мастера. Наиболее явственно новые отношения проявляются в ткачестве.

Этому способствовал и сам характер этого производства. «Ткачество — разновидность труда, не требующая в большинстве случаев большого искусства и распадающаяся на бесчисленное множество отраслей, — в силу самой своей сущности противилось цеховым путам. Поэтому ткачеством занимались очень часто и вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках...»².

Рост рассеянной мануфактуры мы наблюдаем и во Франконии. В Гейльбронне состоятельные люди отдавали свою пряжу в деревню для тканья; деревенские жители и бедное население городов занимались на дому и прядением и ткачеством и, очевидно, главным образом по заказу³.

Характерно, что заказчиками выступают и цеховые мастера. Даже менее обеспеченные ткачи-полотнящики заказывали пряжу прядильщицам на дому. Таким образом, увеличившийся размер производства требовал от мастеров привлечения и использования труда внецеховых работников.

Новую форму организации производства — домашнюю промышленность — работу на заказ на дому, мы наблюдаем не только в ткацкой, но и в кошельной, тесемочной и кожевенной отраслях производства города Гейльбронна, в ткацком ремесле города Ротенбурга и других городов⁴. Процесс экспроприации мелких самостоятельных ремесленников и подчинение их власти скупщиков и мануфактуристов имели место и в деревнях, причем здесь эти явления протекали более остро. Однако ни состояние изучаемых нами источников, ни размеры и общий план настоящей статьи, не позволяють автору уделить соответствующее внимание этому сложному

¹ UBH, Bd. III, S. 103, 154—155, 314.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 46.

³ В жалобе, поданной в 1511 г. совету города Гейльбронна ткачами полотна, говорится, что простой народ живет летом полевыми работами, а зимой — прядением (UBH, Bd. III, S. 163).

⁴ UBH, Bd. III, S. 342; Baumann-Zweifel, S. 128—129.

и важному вопросу, который нуждается в самостоятельном исследовании. Поэтому мы здесь ограничиваемся лишь констатацией этого факта.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что во франконских городах, так же как и повсюду в XVI в., капиталистические отношения развивались преимущественно вне цеха, одновременно способствуя его разложению¹. Капиталистический процесс производства находился в становлении. Уже налицо было одновременное «...употребление большего числа наемных рабочих в одном и том же процессе труда...», что, как говорит Маркс, «...образует исходный пункт капиталистического производства»². Средства производства еще находились в руках непосредственных производителей, но эти производители работали уже не на рынок, а на мастера-предпринимателя, т. е. на распоряжавшегося ими представителя капитала. Происходило частичное обособление «...средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему»³, пока в виде обособления сырья, даваемого предпринимателем работнику.

Ремесленная масса средних городов Франконии оказалась между двух огней: с одной стороны,— конкуренция внецехового ремесла и поденщиков, с другой — разлагающая ремесло деятельность мастеров-предпринимателей. Выход из создавшегося тяжелого положения ремесленники видели в восстановлении и усилении цеховой регламентации, которую они стремились ввести с помощью городских властей. Именно этим стремлением ремесленников найти в организации защиту от внешней и внутренней конкуренции и объясняется рост в начале XVI в. количества статей и уставов, регулирующих жизнь ремесленников.

Наиболее ярко это стремление выражено в письме гейльброннских столяров. Они просят дать им устав, чтобы можно было на основании его запретить пришельцам работать в городе, и просят разрешения вступить в уже существующее братство, «чтобы можно было нас найти и дать работу, когда в этом будет нужда»⁴.

Гейльброннские плотники предлагают с целью борьбы с конкуренцией пришлых ремесленников, установить, чтобы мастер, получающий работу в городе, «нес бюргерские обязанности и поселился в городе; если же он не несет бюргерских обязанностей, то чтобы он работал для одного из мастеров-бюргеров за поденную плату, как это было заведено исстари, а не для самого себя»⁵.

Другие требования ремесленников направлены на устранение конкуренции внутри ремесла, равномерное распределение учеников, производимой продукции и т. п. Например, устав сапожников стремится ограничить число учеников и подмастерьев и унифицировать их зарплату, чтобы «богатый мастер не превосходил бедного числом работников и один оставался равен другому»⁶.

¹ «Проникновение капиталистических производственных отношений в цех, внутренне разлагая его и видоизменяя, все же не уничтожало формы мелкого предприятия. Над массой мелких мастеров выросла фигура раздатчика работы и скупщика продукции. Мелкие мастера, сохраняя свои мастерские, стали терять экономическую самостоятельность и превращаться в кустарей, работающих на капиталиста. Но цех и созданные им формы управления ремеслом все же остаются. Другими словами, создается децентрализованная мануфактура»,— говорит В. В. Стоклищкая-Терешкович («Немецкий город в эпоху Крестьянской войны». «Вестник Моск. гос. ун-та», 1950, № 4, стр. 53).

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 341.

³ Там же, стр. 366.

⁴ UBH, Bd. III, S. 372—373.

⁵ Ibid., S. 386.

⁶ Ibid., S. 105: «auf das der reich mayster den armen nitt mit knechten ubersetzt und das ayner bey dem andern bleyben mog».

Однако действительность всех этих запретов была весьма сомнительна, о чем свидетельствует хотя бы их частое повторение¹.

Аналогичные попытки повернуть экономическое развитие на старый путь цеховой регламентации и покровительства городскому ремеслу были сделаны в 1525 г. в Ротенбурге пришедшими к власти ремесленниками и их комитетом². Но они находились в столь резком противоречии со всем ходом развития страны, что заранее были обречены на провал.

Разложение цехового ремесла имело своим следствием ухудшение положения рядовых ремесленников, их постепенное разорение и переход на положение зависимых кустарей или даже поденщиков. Многие из них, оставаясь бюргерами, по своему социальному положению перешли в ряды плебса. Широкое распространение поденного труда отмечается во всех средних городах Франконии. Даже в сравнительно процветающем Гейльбронне многие жители нанимались на поденную работу в монастырские и другие виноградники за совершенно ничтожную плату (от 6 до 10 пфен., в то время как поденная плата ремесленников колебалась от 2 до 4 шилл.), что доказывает существование значительного слоя жителей, не находивших применения в ремесле и так нуждавшихся, что они соглашались работать за столь низкую плату³.

Резкая имущественная дифференциация населения немецких городов XV—XVI вв. уже отмечалась в советской исторической литературе. В «Очерках по социально-экономической истории немецкого города в XIV—XV вв.» В. В. Стоклицкой-Терешкович приведен обширный материал по этому вопросу, относящийся главным образом к крупным городам. Интересно отметить, что и население средних городов Франконии было весьма резко дифференцировано. Хотя в нашем распоряжении нет статистических данных, все же некоторые факты ярко показывают, как велика была разница в имуществе различных групп населения. Достаточно вспомнить хотя бы штрафы, наложенные на участников восстания в Ротенбурге: вождь евангелической партии Эренфрид Кумпф должен был уплатить 400 гульденов, пекарь Христ Гейнц — 300 гульденов, Георг Шпельт — 100 гульденов, остальные — от 10 до 50 гульденов⁴.

Гейльброннские материалы указывают на наличие бюргерских состояний в несколько сот и тысяч гульденов⁵. В то же время большинство общины состояло из бедных людей. Буржуазные историки (Герваген, Эйлентроп и др.) стремятся доказать, что население франконских городов не испытывало большой нужды и в его составе неимущих лиц было не так уж много⁶. Факты, засвидетельствованные документами, утверждают обратное. Например, когда на Ротенбург была наложена Трухзессом контрибуция, подлежащая равномерному распределению по 7 гульденов на дом, с запрещением уплаты богатыми за бедных, «многие бедные люди, — сообщает Цвейфель, — которые не могли дать такой суммы, выселились с женами и детьми»⁷. Таким образом, одни могли платить штраф в несколько сот гульденов, в то время как другие не были в состоянии заплатить и семи.

¹ Например, ограничить производство сукна ткачами-полотнянниками так и не удалось, несмотря на многочисленные запреты (UBH, Bd. III, S. 163).

² *V a u m a n n - Z w e i f e l*, S. 180—181.

³ UBH, Bd. III, S. 24—25.

⁴ *V a u m a n n - Z w e i f e l*, S. 581.

⁵ UBH, Bd. III, S. 584.

⁶ *H. Heerwagen. Die Lage der Bauern...*, S. 58—59; *P. Eilentrope. Verfassung, Recht und Wirtschaft...*, S. 19.

⁷ *V a u m a n n - Z w e i f e l*, S. 506—507. О бедственном положении населения говорят и многие жалобы (*ibid.*, S. 119 и др.).

Из всех приведенных материалов видно, что уже происходивший к началу XVI в. во франконских городах процесс сосредоточения средств производства — сырья и полуфабрикатов — в руках разбогатевших ремесленников и купцов и разорение народных масс деревни и города создавали почву для развития отношений наемного труда. Эти процессы являлись предварительными условиями зарождения элементов капиталистического производства.

«Товарное производство,— говорил И. В. Сталин,— приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства»¹.

Однако низкий уровень развития капиталистических отношений во Франконии привел к тому, что местное бюргерство не так быстро превращалось в класс буржуазии, а значительная часть экспроприированных мелких производителей не находила применения своему труду в мастерских и мануфактурах и вынуждена была за ничтожное вознаграждение трудиться в феодальных монастырских и светских поместьях.

Тесная связь города с сельской округой, соединение угнетения со стороны феодалов с феодальной эксплуатацией сельской округи самим городом как коллективным сеньером, еще более увеличивало лишения беднейших слоев населения города и деревни и создавало сложнейшее переплетение классовых противоречий. К этому надо присоединить хищническую и своекорыстную политику стоявшего во главе городского управления патрициата, представители которого, по выражению Энгельса, «...не только ведали доходами города, но и потребляли их»².

В результате всех этих обстоятельств обнищавшие городские низы и экспроприированные крестьяне и ремесленники сельской округи испытывали особенно тяжелые лишения от сочетания феодальной и нарождающейся капиталистической эксплуатации.

В начале XVI в. немецкие города вообще и франконские в частности являлись ареной жестокой классовой борьбы, вызванной столкновением интересов различных социальных групп пестрого по своему составу общества эпохи разложения феодализма.

Энгельс разделяет все население городов того времени на три большие группы: патрициат, бюргерство и плебс³. Первая группа не нуждается в особой характеристике. Можно только отметить, что хотя в средних франконских городах и не было таких крупных состояний, как в Аугсбурге, Нюрнберге и др., все же здешние патриции обладали значительными землями и вели крупные торговые операции⁴.

Состав бюргерства менее однороден. Энгельс включает в него богатых и средних горожан, а также, в зависимости от местных условий, и большую или меньшую часть мелких горожан⁵. Следовательно, в эту социаль-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14—15.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 26.

³ См. там же, стр. 26—30.

⁴ Baumann-Eisenhart, S. 610; Baumann-Zweifel, S. 517; UBH, Bd. II, S. 68 и др. P. Eilentröp. Verfassung, Recht und Wirtschaft in Rothenburg..., S. 79—80.

⁵ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 27.

ную группу входили и мастера-предприниматели и разоряющиеся, но еще не разорившиеся ремесленники. Если первые стали уже на капиталистический путь развития, то вторые искали спасения в возвращении старых форм организации производства. Если первые были заинтересованы только в устранении феодальных помех для свободного развития капиталистических отношений, то бедственное положение вторых толкало их на союз с крестьянством и плебейством, на коренную ломку социальных отношений. Однако как самостоятельные хозяева, органически связанные с феодальной организацией ремесла, они опасались слишком радикальных лозунгов и верили в возможность компромисса с феодальным лагерем. Поэтому они представляли собой аморфную в политическом отношении, колеблющуюся массу, легко переходившую из одного лагеря в другой. И та, и другая часть бюргерства имели и много точек соприкосновения и много такого, что разобщало их в социальной борьбе того времени. Все эти сложные отношения проявились в войне 1525 г. и не могли не оказать влияния на ее исход.

Состав третьей важной социальной группы — плебейства — также отличался чрезвычайной пестротой. «Плебейская оппозиция, — пишет Энгельс, — состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата...»¹.

В письме к Каутскому Энгельс характеризует плебс как «...самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города...», как людей, которые «...находились вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового союза»².

Поденщики составляли, вероятно, самый передовой слой плебейства, но им недоставало организации, чтобы играть ведущую роль в революции. Самая же организованная группа плебса — подмастерья — была далеко не самой сознательной, так как «...подмастерья были связаны с существующим строем уже своей заинтересованностью в том, чтобы самим стать мастерами. Поэтому, ...подмастерья не шли дальше мелких протестов в рамках отдельных цехов...»³. К тому же, вследствие текучести своего состава, они были слишком мало связаны с интересами города, в котором они жили. Их политическая сознательность в период Крестьянской войны была настолько низка, что они часто позволяли реакционным советам использовать себя в качестве наемников против крестьянских отрядов (Швебиш-Галль, Вюрцбург и др.). На стороне крестьян они выступали тоже как наемники (Вюрцбург)⁴.

Но, несмотря на разницу в социальном положении, у бюргерства и плебейства имелись общие интересы и общие цели, — борьба с олигархическим управлением патрициата, против привилегий духовенства, против нестерпимого налогового гнета княжеских и городских властей. Это создавало предпосылки для создания единого фронта обеих оппозиций — необходимого условия успеха буржуазной революции.

* * *

Мы уже видели как сложна была социально-экономическая обстановка в городах Франконии, как обострены все социальные противоречия в них,

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 28.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 418.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 42.

⁴ L. Fr i e s. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 318.

как жестоко страдала масса населения от двойного гнета старой, феодальной, и новой, капиталистической, эксплуатации.

Несомненно, что обстановка была обостренной во всех городах Германии, но, вероятно, во Франконии распространение феодальной реакции на города, вследствие их особо тесной связи с сельским хозяйством, и слабость ремесла, ускорявшая разорение ремесленников и их превращение в поденщиков и зависимых держателей, создавали более напряженное положение. Однако, чтобы ответить на вопрос о причине более активного участия франконских городов в Крестьянской войне 1525 г., необходимо учесть также и политическую обстановку, которая во Франконии была чрезвычайно сложна. Франкония была удалена от основных баз мощной организации южногерманских феодалов — Швабского союза, и хотя большинство франконских князей состояло его членами, все же их связи с союзом нельзя считать столь крепкими, как швабских феодалов¹.

Франконские феодалы не только не были объединены, но постоянно враждовали между собой: светские князья с духовными, епископ Вюрцбургский с епископом Бамбергским и т. п., чему способствовала раздробленность области на множество самостоятельных владений (14 более или менее значительных княжеств и графств, 5 имперских городов и большее число мелких феодальных владений). К тому же франконское рыцарство было настроено враждебно как по отношению к своим князьям, желавшим подчинить его и в экономическом и в юридическом отношении, так и к Швабскому союзу, о карательной экспедиции которого оно сохранило еще свежие воспоминания². Правда, во Франконии не было крупных городов с их многочисленным и революционно настроенным плебсом, но зато здесь не было и такого мощного патрициата, как в Швабии, который не только предупредил присоединение своих городов к восстанию, но и помогал феодалам деньгами.

Поэтому, когда разразилось крестьянское восстание, франконские феодалы, хотя и не были застигнуты врасплох (восстание уже давно бушевало в Швабии), всё же оказались разьединенными, изолированными друг от друга и не смогли оказать ему самостоятельного отпора, а следовательно и не смогли решающим образом повлиять на позицию городов. Патрициат же имперских городов Франконии (за исключением Нюрнберга³) не был столь могущественным, чтобы успешно бороться с революционными настроениями бюргерства и плебеев.

Таким образом, революционные элементы франконских городов находились в более благоприятных условиях, чем их швабские и другие собратья, и это обстоятельство привело к тому, что большинство городов Франконии оказалось, так или иначе (по своей инициативе или подчиняясь внешним событиям), вовлеченными в крестьянское восстание.

Вопрос о том, организованный или стихийный характер носило восстание в городах, решается, как нам кажется, в пользу стихийности.

¹ Епископ Вюрцбургский вступил в Союз только в 1521 г., епископ Бамбергский в 1523 г. (К. Kl ü p f e l. Urkunden zur Geschichte des Schwäbischen Bundes, Bd. II, Stuttgart, 1853).

² В 1523 г. войска Союза под начальством Трухзесса сожгли во Франконии 24 (по Barge — 18) рыцарских замка (К. Kl ü p f e l. Urkunden..., S. 273—274).

³ Здесь суровые меры, вплоть до казней, против всякой антиправительственной агитации и крупный отряд ландскнехтов, с одной стороны, антиклерикальные мероприятия, отмена десятины и разных мелких тягот и помощь крестьянскому войску орудиями и боеприпасами — с другой, помогли патрицианскому совету предупредить восстание и не допустить город до участия в Крестьянской войне. Громадное значение имело и то обстоятельство, что главные события происходили вдали от Нюрнберга и плебейская часть населения не имела поддержки извне.

Нельзя, конечно, оспаривать тот факт, что выступлению масс предшествовала длительная и страстная агитация против существующего порядка, что в некоторых городах власть была захвачена восставшими, имевшими тайные сношения с крестьянами, что в большинстве городов восстания происходили в связи с крестьянскими восстаниями или вспыхивали с приближением крестьянских отрядов. Однако источники не дают основания предполагать существование в городах какой-то партии, направлявшей городские восстания по заранее намеченному плану. Наоборот, чрезвычайный разноречивостью в политике отдельных городов, отсутствие с самого начала общего плана действий с крестьянами свидетельствуют о стихийном характере городских восстаний. Это и понятно: условия жизни во франконских городах были примерно одинаковы, и везде существовала городская беднота и опускающийся в ряды плебса слой бюргерства, искавший выхода в поддержке крестьянского восстания. Поскольку сами крестьянские восстания возникали стихийно, то и связь городов с ними устанавливалась в основном не до восстания, а в процессе его.

Отношение различных городов к крестьянскому восстанию определялось соотношением классовых сил в них.

Позиция патрициата в этом вопросе совершенно ясна: эта социальная группа была одним из столпов существующего порядка, стремившимся сохранить феодальную эксплуатацию, что и определяло ее отношение к восставшим крестьянам. В примкнувших к восстанию городах патриции продолжали вести свою контрреволюционную политику, тайно завязывая сношения с князьями и используя каждое колебание в настроении бюргерства для изменения политики города, для нарушения его связи с крестьянами. Однако отдельные представители патрициата, обычно разорившиеся или недовольные своим общественным положением, встречаются и в рядах крестьянского лагеря.

В силу антифеодальных и особенно антиклерикальных устремлений, к революции присоединялись и богатые бюргеры непатрицианского происхождения. Эта группа населения находилась в оппозиции к господствующим патрицианским семьям и претендовала на власть в городе. Обычно она возглавляла партию умеренной реформы, ограничивавшейся требованием свободы вероисповедания и некоторых политических преобразований. В Ротенбурге эта партия была очень влиятельна, и ее глава Эренфрид Кумпф пользовался поддержкой большинства бюргеров¹.

Но во многих случаях разоряющуюся ремесленную массу не удовлетворяла осторожная политика богатого бюргерства, и тогда она шла вместе с плебейством. Однако стоило событиям изменить свое течение в неблагоприятную для восстания сторону, как эта колеблющаяся масса отходила от радикальной партии и снова переходила к богатым бюргерам. Подаваясь панике, она не останавливалась и перед предательством: так, в Вюрцбурге большинство бюргеров постановило принять условия капиту-

¹ Об участии состоятельных слоев населения в революции свидетельствуют уже упоминавшиеся штрафы, наложенные на участников восстания и данные об имуществе репрессированных. В дополнение к уже приведенным сведениям о Ротенбурге укажем, что в Уффенгейме контрибуция в 1500 гульденов была разложена между 30 бюргерами, наиболее активными участниками восстания: один из них должен был заплатить 400 гульденов (H. W. B e n s e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 450). Один из осужденных на казнь руководителей крестьян, бюргер города Карлштадта Штраутенбах, предлагал за свою жизнь 2000 гульденов (P. H a g e r s. Wahrhafte und gründliche Beschreibung des Bauernkrieges, Kaiserslautern, 1936, S. 89).

В списках имущества лиц, выбывших из города Вейнеберг в связи с восстанием, наряду с разоренными людьми, против фамилии которых стоит «ничего не имеет», находятся бюргеры, владевшие недвижимым имуществом общей стоимостью от 24 до 200 флоринов (F. L. B a u m a n n. Akten..., S. 361—377).

ляции, присланные Трухзессом, и выдало ему на расправу укрывшихся в стенах города крестьян¹.

Плебейство было наиболее радикально настроенным элементом городского населения. Его недовольство существующими порядками уже с самого начала выражалось в насильственных действиях — разгроме домов духовенства и богатых горожан. В крестьянстве оно видело естественного союзника и надеялось с его помощью захватить власть в городе. Но и плебейство не было последовательно революционным классом. Энгельс указывает на пестрый состав этой категории городского населения и на неустойчивость его партийной ориентации, зависящей от местных условий. «В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, но и в этом случае она почти везде следует в своих требованиях и выступлениях за крестьянами... Она выступает самостоятельно лишь постольку, поскольку требует восстановления монополии городского ремесла в деревне, поскольку возражает против сокращения городских доходов за счет отмены феодальных повинностей в городской округе и т. д.; словом, в той мере, в какой она самостоятельна, она реакционна и подчиняется своим собственным мелкобуржуазным элементам...»².

Эти слова особенно применимы к плебсу франконских городов, в котором мелкособственнический элемент играл очень большую роль.

Оппозиционное движение во франконских городах началось еще до 1525 г., но проявлялось тогда главным образом в виде борьбы за церковную реформу. Во главе его стояли умеренные бюргеры. Оппозиция на этом этапе еще не была дифференцирована и объединялась антиклерикальными настроениями. Но вскоре, наряду с требованиями реформы церкви, появились требования отмены крепостного права, феодальных повинностей, налогов и аннулирования долгов, что затрагивало интересы богатых бюргеров, владевших имениями в городской округе и имевших зависимых от них крестьян. Когда же были выдвинуты требования общности имущества, ликвидации властей, установления нового порядка, основанного на неясных представлениях уравнилельно-коммунистического характера, эта программа не нашла отклика не только у богатых, но и у средних и мелких бюргеров.

Однако, независимо от этих крайних лозунгов, народные массы в понимании реформации шли гораздо дальше умеренной партии, требовали социальных преобразований, относясь к церковной реформе, как к второстепенному вопросу. Среди требований народных масс на первом плане стоят социально-экономические требования, которые лишь обосновываются евангелием, но не исходят от него. В этом отношении характерен факт, приводимый в следственных протоколах Мергентгейма: при обсуждении в апреле 1525 г. послания совета и общины города комтуру Немецкого ордена некоторые горожане кричали, что они хотят получить луга и форелевый ручей и уничтожить господские овчарни, независимо от того, согласно это с евангелием или нет³.

Борьба партий во франконских городах носила в 1525 г. не столько программный, сколько тактический характер. Острее всего она развертывалась по поводу отношения к крестьянскому восстанию. После 22 марта — начала восстания крестьян во Франконии, — почти повсеместно вспыхивают волнения в городах. Раньше всего они начались в Ротенбурге.

¹ М. Cronthal. Die Stadt Würzburg..., S. 86.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 29—30.

³ F. F. Oechse. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges..., S. 142: «Sie wollen haben die Wiesen, den Forellenbach und die Schäfereien abzutun, es sei evangelisch oder nicht».

Здесь положение было уже давно настолько напряженным, а ненависть народа к патрициям проявлялась настолько открыто, что, как говорит Цвейфель, «некоторые без радости ходили в церковь или по улице»¹. Совет даже не решился вооружить общину против крестьян, так как опасался, что она повернет оружие против самого совета. 24 марта в Ротенбурге произошел переворот, поставивший во главе города комитет общины. Возбуждение народа против совета, подозреваемого в изменческих сношениях с маркграфом Казимиром Гогенцоллерном, было так велико, что только вождю умеренной бюргерской партии Кумффу удалось предотвратить избиение членов совета². Но среди победителей не было единства: они разделялись по крайней мере на две партии: умеренных, во главе с Кумффом, и радикалов, во главе с дворянином Стефаном фон Менцинген. У комитета, составленного большей частью из представителей умеренных, не было вполне четкой линии поведения ни в отношении крестьян, ни в отношении феодалов. Он так и не смог до конца отрешиться от подозрительности к крестьянам и от боязни окончательного разрыва с маркграфом Казимиром. К тому же сам Менцинген был связан с маркграфом ленными обязательствами и прежней службой и возглавлял левую группировку в общине отнюдь не из идейных соображений, а руководствуясь своими честолюбивыми планами. Лишь низы городского населения в Ротенбурге осуществляли революционную тактику, оказывали постоянное давление на комитет и вынуждали его действовать более решительно. Вся последующая история ротенбургского восстания наполнена борьбой общины с советом по вопросу об оказании помощи крестьянам и союза с ними. Совет, отошедший во внутренних делах на задний план, но сохранивший руководство внешними сношениями, использует все положение для ведения от имени города переговоров с феодалами. Он принужден избегать открыто контрреволюционных действий, так как община была попрежнему очень решительно настроена: «никто из совета и почетных граждан, а также духовенства,— говорит Цвейфель,— не был в безопасности от общины в своих домах, но находился в постоянной опасности и заботе о своей жизни и имуществе»³.

Что касается комитета, то он чем дальше, тем больше выступал не в качестве выразителя мнения общины, но в качестве буфера, смягчавшего столкновения совета и общины, причем все более и более помогавшего совету против революционно настроенных элементов общины. В конце концов эта по существу предательская политика привела комитет к поддержке внешней политики совета. Пределом падения в этом отношении было заседание от 17 апреля, где было высказано мнение об оказании помощи деньгами маркграфу, но тайно, чтобы не раздражать общину⁴. Реакционная роль совета и комитета особенно проявилась в конце апреля, когда было решено взять на содержание города 200 ландскнехтов маркграфа. «Но из-за этого возник в общине, которой сообщили об этом решении члены комитета, бышие против такого договора и объединения, большой рожот и крик, и особенно от черни, которая имела в то время большой вес и к которой примыкало в общине много состоятельных людей»,— рассказывает Цвейфель⁵.

Таким образом, антикрестьянская, предательская политика городских властей не разделялась и многими состоятельными бюргерами. Тем не

¹ Baumann-Zweifel, S. 15.

² Ibid., S. 41, 50—58.

³ Ibid., S. 63.

⁴ Ibid., S. 207—208.

⁵ Ibid., S. 252—253.

менее, под большим нажимом и при отсутствии многих членов общины, договор удалось утвердить. Все же к началу мая в городе господствовало всеобщее возбуждение: община требовала заключения союза с крестьянами и оказания им помощи, угрожая, что иначе народ сам возьмет пушки и пойдет к крестьянам¹.

Два народных опроса, происходивших по поводу просьбы крестьянского войска о предоставлении ему помощи людьми и вооружением, показывают, как возрастала революционная настроенность населения Ротенбурга. В первый раз, 23 апреля, совету с большим трудом удалось убедить общину одобрить сдержанную политику в отношении крестьян, но при втором опросе, в начале мая, большинство голосовало за союз с крестьянами. На исход голосования повлиял, несомненно, приход крестьянского войска к Вюрцбургу и начало осады Фрауэнберга, что вызвало у колеблющейся части бюргерства доверие к военной силе крестьян. В результате 15 мая Ротенбург заключил союз с крестьянским войском².

С победой крестьянской партии внутренняя борьба в Ротенбурге не прекратилась. Совет продолжал вести свою предательскую политику и, как только положение на фронте изменилось в пользу феодалов, он, игнорируя возражения комитета, опасавшегося возмущения общины, решил завязать сношения с Швабским союзом, а после битвы при Кенигсгофене перешел к активным действиям: запретил впуск в город вооруженных крестьян, не разрешил вербовать добровольцев в крестьянское войско; отправил к Трухзессу делегацию, а после сдачи даже послал ландскнехтов на помощь дворянству, для окончательного подавления восстания³.

Жалкая роль, которую играл комитет во второй период восстания, отражает противоречивую, колеблющуюся позицию ротенбургских бюргеров, с одной стороны сочувствовавших антифеодальным целям крестьянского восстания, а с другой — не способных отрешиться от недоверчивого отношения к крестьянству и заставить городские власти оказать решительную поддержку крестьянскому войску.

«Ротенбургские мелкие бюргеры и плебеи должны были теперь жестоко расплатиться за свое столь двусмысленное поведение по отношению к крестьянам...»⁴, — замечает Энгельс по поводу бесславного конца ротенбургского восстания.

В Вюрцбурге события развернулись несколько позже, в первой половине апреля, когда вюрцбургский плебс восстал и начал громить дома духовенства. Многие духовные лица бежали из города⁵. В середине апреля возбуждение несколько улеглось, но о выступлении против крестьян, на что рассчитывал епископ, не могло быть и речи. Даже городской совет не был намерен разрешить ввод войск епископа в город, и последний жаловался в письме к фальцграфу Людвигу, что он не может рассчитывать даже на городские власти⁶. Попытки епископа разъединить восставших не имели успеха⁷. Тем не менее борьба партий шла в Вюрцбурге. Умеренная партия, во главе с советом, склонялась к соглашению с епископом, радикальная, во главе с Гансом Берметером, выступала против соглашения.

¹ Baumann - Zweifel, S. 275.

² Ibid., S. 226—231, 321—330, 364.

³ Ibid., S. 517.

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 91.

⁵ L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 39.

⁶ Ibid., Bd. I, S. 112.

⁷ M. Cronthal. Die Stadt Würzburg..., S. 1—4.

Хотя победили умеренные и было решено созвать ландтаг для рассмотрения жалоб городов епископства, все же положение в Вюрцбурге продолжало оставаться напряженным вследствие решительного настроения городских низов. Совет не решался принять помощь, предлагаемую епископом, но сам, опасаясь беспорядков со стороны «des lossen gesinds», постановил держать наготове каждую ночь 60 вооруженных лиц для обхода города¹.

Наиболее ярким выражением борьбы двух партий были события 27—28 апреля, когда 300 горожан намеревались разгромить один из монастырей, но были остановлены властями и бюргерами умеренной партии, после чего для предупреждения подобных событий и наблюдения за «порядком» совет организовал постоянный отряд из бюргеров. Этот отряд стал как бы постоянной полицейской силой совета, направленной против революционного плебейства².

Радикальная партия, вероятно, рассчитывала, что с приходом крестьян она будет в состоянии справиться с советом и стоящими за ним богатыми бюргерами. «Некоторые из Вюрцбурга», как сообщает Фриз, послали в конце апреля крестьянскому «Светлому отряду» приглашение прибыть в Вюрцбург³. Под давлением общины и совет города присоединился на особом совещании городов епископства (состоявшемся после неудавшегося ландтага) к решению о совместных действиях и союзе с крестьянами («der Bauern bruderschaft anzunehmen»)⁴.

Когда же оба крестьянских войска — Светлый отряд и Франконское войско — подошли к Вюрцбургу, совет города заключил с ними договор о взаимной помощи и верности общему делу и стал одним из трех главных участников нового правительства восставшей Франконии.

Таким образом, влияние общины на вюрцбургский совет оказалось более сильным, чем то имело место в Ротенбурге. Это прежде всего зависело от более тяжелого положения города, находившегося под гнетом епископа, канитула и многочисленного духовенства; кроме того, в городе не было столь сильного патрициата, какой был в имперских городах. Поэтому в Вюрцбурге наблюдается относительно большая сплоченность всего населения против духовных феодалов. Кроме того, бюргеры Вюрцбурга в меньшей степени, чем бюргеры имперских городов, выступали в качестве представителей города-феодала в отношении крестьянства, откуда и происходила их большая склонность к союзу с крестьянами. Наконец, только в этом союзе бюргеры видели единственную возможность избавиться от гнета епископа и духовенства.

И действительно, вюрцбургские бюргеры проявили себя решительными противниками всяких сделок с епископом и во время переговоров с гарнизоном Фрауенберга настаивали на безусловной сдаче крепости⁵.

¹ M. Cronthal. Die Stadt Würzburg..., S. 4—10. L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 76—81.

² L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 152. Иоганн Рейнгардт даже считает этот отряд правительством города, но такое предположение едва ли верно, так как совет продолжал управлять городом. Отряд был распущен после организации главного совета представителей города и крестьянских войск (Reinhard, S. 886).

³ L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 168.

⁴ Ibid., Bd. I, S. 172.

⁵ Фриз говорит, что во время заседаний главного совета «некоторые из Вюрцбурга» входили в комнату заседаний и протестовали против намерения заключить договор с гарнизоном, требовали сдачи и разрушения Фрауенберга, говоря: «Замок должен быть разрушен, ничто не может ему помочь, потому что, если он останется, то будет для них еще тягостнее, чем был когда-либо прежде» (L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 204—205).

Когда переговоры были прекращены, горожане усиленно готовились к битве: они заказали плоты для переправы через Майн, рыли окопы и делали укрытия¹.

Политика города определялась активностью революционно настроенных низов городского населения, к которым, вероятно, примыкали здесь и средние бюргеры. Патрицианская верхушка тайно действовала в пользу примирения с епископом.

Некоторые члены совета находились в тайных сношениях с духовенством и гарнизоном Фрауенберга и стремились повлиять на крестьянских вождей, убеждая их в необходимости соглашения с епископом и капитулом². Уже вступив в союз с крестьянами, городской совет Вюрцбурга стремился обеспечить себе возможность в будущем заслужить прощение и, посылая 9 мая епископу официальный отказ от присяги, заранее оправдывается, объясняя присоединение к крестьянам боязнью за свои семьи и имущество: «мы были вынуждены обещать крестьянам помочь в установлении братского объединения и святого евангелия, ради сохранения жизни и живота нашего и детей наших и предохранения от смерти и ущерба, которым мы подвергаемся в настоящее время в городе и вне его»³. Такими извинениями началась «революционная деятельность» вюрцбургского совета и закончилась она тем же: в начале июня, когда положение крестьян стало критическим, совет города дважды писал письма епископу, прося помилования⁴.

Контрреволюционность богатых слоев населения в конце восстания была порождена не только боязнью репрессий феодалов, но и подготовлена классовой борьбой в городе, особенно обострившейся к концу восстания. Фриз рассказывает, что немалый испуг у бюргеров вызвали разговоры крестьян о том, что если «они должны быть братьями между собой, то было бы справедливим, чтобы это произошло сейчас же и богатый поделился бы с бедным, в особенности те, кто добыл свое богатство торговлей или иным путем от бедных людей...»⁵. Богатые бюргеры не думали заходить так далеко; дальнейшее развитие революции могло угрожать самому принципу частной собственности, что было для состоятельных людей страшнее феодальной эксплуатации. Поэтому они предали своих союзников: многие тысячи крестьян, укрывшихся за стенами Вюрцбурга, были выданы на расправу Трухзессу.

Совет города Гейльбронна с самого начала событий занимал резко антикрестьянскую позицию. Он не остановился даже перед казнью некоторых зачинщиков бунта общины, требовавшей присоединения к крестьянам. Но после взятия крестьянами Вейнсберга и казней дворян городская оппозиция стала смелее и хотела штурмовать ратушу, от чего совет спасло только вмешательство лютеранского проповедника Лахмана. Тогда некоторые бюргеры послали крестьянскому войску приглашение прибыть

¹ Даже после неудачного штурма 15 мая воинственный порыв вюрцбургских горожан не ослабевает. «Мнение народа не уступать. — пишет совет города совету и бургомистру города Гасфурта. — и мы тоже хотим сделать все от нас зависящее, насколько позволит милость божия». Активная роль города была хорошо известна в лагере противника: когда начались военные действия, осажденные больше всего обстреливали город, чтобы наказать горожан, «так как они больше всех подготовили эти страсти» (L. F r i e s . Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 292—293, 238, 220).

² L. F r i e s . Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 203—210, 217.

³ Ibid., S. 222.

⁴ В письме от 5 июня совет пишет: «Мы имели за спиной врагов внутри и вне города» (ibid., Bd. I, S. 331).

⁵ Ibid., Bd. I, S. 299.

в Гейльбронн¹. Когда крестьяне подошли к городу и потребовали заключения союзного договора, в Гейльбронне наступило такое смятение, а поведение крестьянской партии стало настолько решительным, что совет предпочел пойти на переговоры². Однако и после вступления крестьян в город совет проявил большую неуступчивость и не согласился на организацию городского отряда в помощь крестьянам. Присоединились только добровольцы³. С уходом крестьянского войска положение в городе осталось без изменений, а прибытие Трухзесса окончательно ликвидировало всякую открытую оппозицию⁴.

Борьба умеренной и радикальной партий наблюдается во всех франконских городах, даже самых небольших. Везде вначале побеждает умеренная партия, но с приходом крестьянских отрядов верх берут сторонники крестьян. Так, например, развертывались события в Мергентейме, Эрингене и других городах⁵.

События в средних городах Франконии показывают, что их отношение к крестьянскому восстанию было большей частью непоследовательным. Причиной этого было отсутствие единства у самих горожан, недостаточная организованность плебса, колеблющаяся позиция мелкого бюргерства, страх богатого и среднего бюргерства перед крестьянско-плебейской революцией. Нерешительность мелкого бюргерства и плебса проявилась сейчас же после их победы. Чрезвычайная робость мероприятий новой власти бросается в глаза при первом же знакомстве с ними. Собственно, новая власть существует только де-факто, так как формально в городской конституции ничего не изменяется и патрицианский совет продолжает оставаться во главе управления городом и определять политику последнего. Это относится и к Ротенбургу, несмотря на то, что там произошла частичная смена власти и была разработана новая конституция. Но в новом совете главенствовали те же лица, что и в старом. В остальных городах в управлении городом не произошло даже и таких изменений. Отчасти это объясняется повсеместно господствовавшим ожиданием «всеобщей реформации», которая должна была установить новый порядок во всех областях жизни. Богатое же бюргерство было вполне удовлетворено включением его представителей в существующие органы власти.

Для мероприятий победившего бюргерства характерна также их классовая ограниченность. Установленный ротенбургским комитетом новый порядок предусматривал уменьшение налогов, ликвидацию феодальных повинностей и защиту ремесла от конкуренции. Но все это относилось только к бюргерству и не распространялось ни на остальное население города, ни на крестьян.

Таким образом, основному союзнику бюргерства — крестьянству — приход к власти бюргерства не давал ничего. Причина этого ясна: многие состоятельные бюргеры владели имениями в ротенбургском округе и имели зависимых от них крестьян. Далее, в эксплуатации зависимых от города крестьян, сидевших на городских землях, был заинтересован весь город,

¹ Авторы приглашения обещали, в случае сопротивления совета, «выбросить большие головы за городские стены» (H. W. B e n s e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 154—155).

² Свидетели событий утверждали, что и в самом совете не было единства мнений по вопросу об отношении к крестьянам (K. J ä g e r. Der Bauernkrieg..., S. 13—15).

³ H. W. B e n s e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 157.

⁴ Совет даже ссудил Трухзессу 15 тыс. флоринов (Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmanns Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524—1527, hrsg. v. W. Vogt. Augsburg, 1879, 1880, 1882, S. 271).

⁵ H. W. B e n s e n. Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken, S. 110.

так как доход с этих земель поступал в городскую казну. Поэтому даже плебе, как отмечает Энгельс, не желал уменьшения городских доходов в результате отмены феодальных повинностей в городской округе¹. Заинтересованность в эксплуатации крестьянства заставила ротенбургских бюргеров забыть даже свою ненависть к духовенству — новый порядок не предусматривает ликвидации церковной десятины в ротенбургском округе.

Нельзя недооценивать социального значения этого узкоклассового законодательства: созданное в момент победы бюргерства, оно не только не способствовало укреплению союза его с крестьянством, но могло лишь укрепить недоверие последнего к городам и тем ослабить шансы на победу революции.

В отличие от средних городов позиция мелких городов в 1525 г. была гораздо определеннее, хотя они и больше зависели от внешних обстоятельств. Если крестьяне были далеко, города не решались восстать самостоятельно, но стоило крестьянским отрядам появиться вблизи от города, как ворота его гостеприимно раскрывались и горожане вливались в состав крестьянского войска. Так поступали, за небольшими исключениями, все города, мимо которых проходили крестьянские отряды.

В Верхней Франкнии деятельность горожан мелких городов тесно смыкалась с действиями крестьянских отрядов. Здесь горожане создали совместно с крестьянами так называемый Бильдгаузенский отряд, одним из командиров которого был избран бюргер города Мюнерштадта Ганс Шнабель. Отряд разослал 16 апреля приглашение ко всем городам и селам присоединиться к нему, и это приглашение нашло горячий отклик у населения большинства верхнефранконских городов. В дальнейшем города действуют весьма сплоченно и большей частью обсуждают все важнейшие вопросы совместно. Вначале и здесь перевес имела умеренная партия, усилия которой направлены были на умиротворение восставших. Так, например, первое совещание представителей верхнефранконских городов просит епископа воздержаться от враждебных действий, чтобы избежать войны и кровопролития². Но уже на втором совещании, 6 мая победили сторонники активных действий, настоявшие на походе на Вюрцбург. Те же, кто «устал от войны и был враждебен буйствам и беспорядкам, чинимым простым народом, и потому охотно увидел бы, что восстание успокоено и разными средствами и путями приведено к миру», оказались на этом совещании «в незначительном числе»³.

Причиной успеха радикальных элементов, несомненно, было давление народных масс, требовавших более решительных действий, а также успехи крестьянских войск в Южной Франкнии. Рядовые члены отряда заставили своих вождей расширить состав совета отряда путем включения в него по два представителя от каждого города и каждой сотни (zenth)⁴. Этот новый состав совета и повел более решительную политику в отношении феодалов. Однако бюргеры продолжали играть руководящую роль и в самом отряде и в органах местной власти. Так, когда крестьянские отряды решили двинуться на Вюрцбург, чтобы принять участие в осаде Фрауенберга, в Верхней Франкнии было организовано чисто бюргерское правительство во главе с бургомистром города Мейнингена Клаусом Шиллингом⁵.

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 30.

² L. Fries. Die Geschichte des Bauernkrieges..., Bd. I, S. 346—351.

³ Ibid., S. 370.

⁴ Ibid., S. 353.

⁵ Ibid., S. 381—383.

Участие бюргерства в Крестьянской войне 1525 г. не ограничивается их действиями в городах. Не менее значительным, как показывает пример Бильдгаузенского отряда, было участие бюргеров (особенно мелких городов) непосредственно в самих крестьянских отрядах, в том числе во Франковском войске и Светлом отряде — главных силах восставшего крестьянства.

В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что значительная часть крестьянского войска состояла из присоединившихся к нему городских отрядов, сохранявших свою организационную самостоятельность. Естественно, что наиболее выдающиеся руководители этих отрядов выбирались в совет войска и занимали руководящее положение в нем. В частности, в совете Франковского войска видную роль играли шультгейс города Оксенфурта Ганс Бецольд, Михаэль Хазенбарт и священник Бернгард Бубенлебен из Мергентгейма, Иоганн Бутнер из Фольхаха и многие другие. Командиром войска был бюргер Эйфельштадта Якоб Коль. В Светлом отряде в совете заседали бургомистр, писарь и шультгейс Эрингена и другие бюргеры. Большая часть членов главного крестьянского совета в Вюрцбурге происходила из различных городов Франконии¹.

Тактика франконских городов во время Крестьянской войны, являвшаяся отражением классовых противоречий в самих городах, показывает, что не столько бюргерство средних городов, оказавшееся не способным отрешиться от своих узкоклассовых интересов, сколько отдельные представители бюргерства в крестьянских отрядах отражали истинные интересы этого класса. Поэтому и наиболее замечательные документы, отражающие интересы бюргерства, например Гейльброннская программа и статьи Ф. Вейганда, вышли не из городов, а из крестьянского войска. Они возникли в кругу бюргерской интеллигенции, видевшей выход из создавшегося в Германии тяжелого положения в ликвидации раздробленности и княжеского самовластия, создания условий для нормального экономического развития страны, увеличении роли бюргерства в управлении и судопроизводстве.

Энгельс называет одного из предполагаемых авторов Гейльброннской программы Венделя Гиплера представителем «...средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации...»², так как эта программа отвечала интересам всех прогрессивных слоев Германии XVI в. Но она подчиняет все частные интересы конечным интересам бюргерства и интересам капиталистического развития страны³.

Гейльброннская программа и все связанные с ней документы не оказали существенного влияния на развитие Крестьянской войны, так как события разворачивались настолько бурно, что их не успели широко обнародовать и превратить в программу действий. Они остались только характерным памятником из истории социально-политических идей в Германии.

Но и Гейльброннская программа отражала идеологию только небольшой части немецкого бюргерства. Основная часть этого класса не доросла и до такой умеренной программы. Не мелкие города играли решающую роль в экономике Германии, и не группа прогрессивного бюргерства определяла позицию всего класса бюргеров. Решающее значение имели крупные и средние города, бюргерство которых играло в событиях 1525 г. весьма неприглядную роль, непрерывно колеблясь между желанием

¹ F. F. O e c h s l e. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges..., S. 147, 150—152.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 87.

³ Интересно, что сам Гиплер был владельцем сукновальни в Эрингене (F. F. O e c h s l e. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges..., S. 80).

использовать крестьянское восстание в своих интересах и боязнью перед превращением его в социальную революцию. Вследствие этой боязни бюргерство не решалось окончательно порвать с феодальным лагерем, пыталось удержаться на промежуточной позиции и в конце концов завершило свою двуличную политику открытым предательством своего союзника — крестьянства. Это означало и предательство им своих собственных интересов и интересов всей страны.

Поэтому главной причиной трагического исхода Крестьянской войны 1525 г., наряду с органической слабостью крестьянского движения, не способного самостоятельно решить задачи буржуазной революции, была также тактика бюргерства, не только не возглавившего буржуазную революцию, но и предавшего ее князьям. Немецкое бюргерство показало свою неспособность успешно провести буржуазную революцию. Эта его неспособность зависела от целого ряда обстоятельств: в первую очередь от степени развития производительных сил страны, от экономической и политической раздробленности Германии и т. п.

«Бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, — писал Энгельс, — чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне..., города не поддержали крестьян, и революция была подавлена...»¹.

Что же касается небольшой прослойки нарождавшейся буржуазии, то она была еще слишком немногочисленна и слаба, чтобы успешно осуществить руководство крестьянско-плебейскими массами, поднявшимися на восстание.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1952, стр. 379.